

Часть 1

Прохладный ветер оведал его щеки.

Зимний бриз нес еле уловимый запах моря.

От холодного воздуха Сакута проснулся.

— ...

Он открыл глаза.

Первым, что он увидел, был белый потолок. Белые узоры с разбросанными в случайном порядке серыми пятнами. Сакута сразу узнал школьный потолок, но он никогда не смотрел на него лежа на спине, поэтому ощущения были новыми.

Он лежал на кровати в кабинете медсестры.

Сакута аккуратно присел. Кровать под ним заскрипела, издав звуки, напоминающие дикого зверя.

Манимый холодным воздухом, Сакута раздвинул занавески и выглянул наружу.

— ...

Увидев картину в окне, он остановился как вкопанный.

За окном шел снег. Из школы он мог видеть падающий над водами Шичиригахамы снег. Он падал мягко, но обильно.

Огромные тучи полностью закрыли собой солнце.

Осмотрев помещение, Сакута заметил полку около кровати. На ней стояли электронные часы.

На дисплее было время 13:25.

И дата 24 декабря.

— Я... реально вернулся?

Он в этом не сомневался. Не то чтобы он не верил. Сакута действительно хотел этого всем сердцем.

Но теперь, попав в прошлое, он не мог сдержать своего удивления. Несмотря на шок, в нем росла уверенность. Он чувствовал, что причина этому – холодный воздух.

Сакута хорошо помнил эти ощущения.

Воспоминания, которые въелись в его кости.

Морозный, наполненный снегом воздух.

Воздух, которым он дышал в тот день. 24 декабря.

От белизны снега у него заболело в груди. Он хорошо помнил, как кровь Май окрасила белый снег.

Мысленно он понимал, что это произошло в будущем, но волна паники все равно окатила его с ног до головы. Это чувство захлестнуло все его тело, едва ли оставляя возможность дышать. Ему казалось, что он отрывается от земли.

Он был рад вернуться во временной промежуток до инцидента.

Но вернулся и страх. Теперь ему нельзя потерпеть неудачу. Он должен спасти Май от автокатастрофы. И из-за этого долга он встал как вкопанный.

Сакута вновь взглянул на часы.

13:28.

— Значит, я не прогадал со временем.

Он понимал, что вернулся в нужное время. Время, когда он должен быть в больнице у Сёко.

И ее мать договорилась, чтобы он навестил Сёко в отделении интенсивной терапии. Сакута помнил, как смотрел на нее сквозь стекло. Чистая комната, в которой слышен лишь гул приборов. Кровать, окруженная медицинской аппаратурой. Маленькая Сёко, лежащая на ней, и отчаянно цепляющаяся за свою жизнь.

Он пробыл там всего пять минут.

Сакута не помнил, как покидал ее. Следующее, что он помнил, это тот вечер.

Он продолжал сидеть на скамейке в больнице, не в состоянии сделать выбор. Сакута хотел будущего с Май, но в это же время он не терял желания, чтобы у Сёко тоже было будущее. Однако не представлялось возможности совместить и то, и другое, так что он вообще перестал думать.

Если у него в какой-то момент пробудился подростковый синдром, то это точно было тогда. Ничто остальное не имело смысла. И благодаря всему этому, Сакута вернулся из будущего.

— Конечно, снега навалит...

Эхо голоса раздалось по кабинету. Другой голос. Женский голос где-то рядом.

Это была медсестра, стоящая у окна. Ей было далеко за тридцать, и на ней был белый халат. Она стояла в трех метрах от него.

— Придется оставить машину, — сказала она и закрыла окно.

Затем она посмотрела на него.

— ...

Сакута инстинктивно замер. Он понятия не имел, как долго здесь спал. Или то, как она воспринимает происходящее. Если бы Сакута просто так появился на кровати, без ее ведома, она могла бы заволноваться. Ему пришлось бы объясниться. Он не мог сказать ей, что пришел из будущего. Она бы в это никогда не поверила. Напротив, если бы она поверила, это вызвало бы еще большее беспокойство.

Лучше было ждать ее реакции. Правильней будет последовать ее примеру, чем выдумывать всякие объяснения.

Но его планы были напрасны.

— ...

Медсестра ничего не сказала.

Сакута был от нее в нескольких метрах, но она, казалось, вообще не замечала его.

— ?..

Поначалу это не казалось таким уж странным. Но по мере того как медсестра проверяла, все ли окна заперты, она подошла гораздо ближе, от чего он забеспокоился сильнее.

Она стояла рядом с ним, и тянулась к оконной ручке. Ей практически пришлось прижаться к Сакуте, чтобы дотянуться до него. А затем она вернулась к своему столу и обогревателю, просто пройдя мимо во второй раз.

Это было очень странно. Ее полное отсутствие реакции было ненормальным.

— Медсестра, — сказал он, нарушив молчание.

— ...

Казалось, что она вообще его не слышит. Она просто что-то записывала в свой журнал.

— Медсестра! — сказал он вновь громче. Это был практически крик, раздавшийся эхом по кабинету.

— ...

Но она не повернулась, так и не посмотрела на него.

Словно она игнорировала его. Все указывало на то, что она не слышит его.

Он подошел ближе, положил руку ей на плечо и позвал вновь.

Но она продолжала его не замечать. Не поворачивалась к нему и не отвечала вообще. Казалось, она вообще не ощущала веса его руки.

— Что за?..

Эта волна эмоций была вызвана его собственными ощущениями. Его рука лежала на плече медсестры, но он не чувствовал ее. Ни текстуры ее белого халата, ни тепла ее тела, ни мягкости ее кожи под ним.

— Что происходит?

Он решил покинуть кабинет, чтобы разобраться в этом.

Но как только попытался, дверь открылась.

— Медсестра, он прищемил палец.

Это был друг Сакуты - Юма Куними. Он был одет в шорты и футболку, несмотря на снег. Наверное, для баскетбольной тренировки. С ним вместе был мальчик помладше, державшийся за свой палец.

— Куними! — закричал Сакута.

— Давай приложим компресс к ране, — сказала медсестра. — Садись.

Юма никак не отреагировал. Никто не обратил внимания.

Сакуту игнорировала не только медсестра.

Ни Юма, ни его товарищ не слышали его.

Никто не мог его видеть.

Никто не мог его слышать.

Никто не мог заметить его прикосновений.

Сакута действительно влип.

Что с ним произошло?

В поисках ответов, он повернулся к окну.

— ?..

Тогда он обнаружил, что что-то еще было не так.

— ...

Каждый раз, когда медсестра или Юма двигались, их отражения двигались тоже. В отличие от Сакуты.

У него не было отражения вообще.

Сакута потянулся рукой к себе и потрогал. Он мог себя видеть. Видеть и чувствовать. Он чувствовал собственное тело.

Но никто его не замечал. Если бы они его видели, то хотя бы один из них спросил: «Что ты делаешь?». Так как он вел себя достаточно странно.

Столкнувшись с этой проблемой, в его голову пришли две мысли.

Первая, до того, как он вернулся...

Слова Сёко, которые она сказала, когда он уснул.

— Для начала, найди того, кто увидит тебя.

Сакута не понимал, что она тогда имела в виду или почему она сказала это.

Но теперь он точно мог предположить, что она имела в виду вот это.

Вторая мысль – это воспоминания прошедшей весны.

В мае, в последний день Золотой недели, именно в тот день он встретил дикую девушку-кролика.

Случай, вызванный подростковым синдромом, который свел его с Май.

Она носила костюм девушки-кролика, но никто ее не замечал, как Сакуту сейчас.

Рио тогда ему помогла. Как она это объяснила?

Он окунулся в свои воспоминания.

Первое, что он вспомнил – это полуживой и полумертвый кот в коробке. Кот Шредингера.

Сакута вспомнил странный факт, о том, что мы можем узнать состояние кошки, лишь заглянув в коробку.

Очевидно, что на квантовом микроуровне частицы существовали вероятностно, и их точные позиции в пространстве не были заданы, и единственный способ определить их местоположение – наблюдать за ними.

Это, надо полагать, лучше всего описывало текущее положение Сакуты. Половина в будущем и половина в настоящем – такая теория лишь вероятна.

Пока кто-то его не заметит, он не будет существовать в этой временной линии. Это казалось наиболее вероятным применением этой концепции.

Он чувствовал, что теперь контролирует ситуацию.

Но кто точно сможет его заметить? Это не медсестра и даже не его друг. Никто из них не мог видеть его.

— Йоу, Куними! — позвал он его вновь.

— Мне надо вернуться, — Юма даже не знал, что Сакута был здесь. Он даже не посмотрел в его сторону. Не было похоже, что он игнорировал его осознанно.

Сакута схватил Юму за плечи и потряс его, но даже это не помогло. И ничто из того, что делал Юма, не повлияло на Сакуту.

Юма покинул кабинет как ни в чем не бывало.

Больше нет смысла здесь оставаться. Сакута последовал за другом и вышел в коридор. Юма направился в сторону спортзала, а Сакута пошел в другом направлении. Вниз по темным и тихим коридорам. Занятия на сегодня закончились. Так что никто не повернулся крикнуть: «Не бегать по коридорам!».

Это был забег всего лишь на сто метров. Он пробежал эту дистанцию примерно за десять секунд. Сакута остановился возле научной лаборатории.

— Футбола! — крикнул он, открывая дверь.

Он надеялся увидеть презрительный взгляд, что Рио повернется и мельком взглянет на него, чтобы потом вернуться к своему эксперименту. А затем вздохнет и скажет: «Опять проблемы?».

Но ни одной из его надежд не суждено было сбыться.

В лаборатории было слышно лишь бульканье воды в мензурке.

Из-за снега во дворе было пусто. Никаких криков бейсбольной или футбольной команды.

Но свет в кабинете был включен, так что Сакута вошел и закрыл за собой дверь. Ему показалось, что стало еще тише.

Он подошел к экспериментальному столу около доски, накрыл крышкой спиртовку, погасив огонь. Кипение воды утихло, было слышно лишь чье-то тихое дыхание.

Рио крепко спала на столе. Она использовала свои руки как подушку, а голова ее слегка склонилась набок. Сакута мог разглядеть только половину ее лица.

Она выглядела уставшей. На ее щеках были видны следы слез. Он знал причину. Ответ был на доске позади Рио – прямо перед ним.

Сложная формула и загадочный график. Имена «Азусагава» и «Сёко» и слова «настоящее» и «будущее».

Записи явно стирались и перезаписывались вновь и вновь. На доске было множество полустертых пометок, и она была гораздо светлее своего обычного темно-зеленого оттенка. Записанная теория была перечеркнута накрест.

На столе вокруг Футабы были разбросаны книги из школьной и общественных библиотек.

— ...

От этого у него сперло дыхание.

Это не был очередной эксперимент Рио.

Она искала решение.

Пыталась найти решение, чтобы спасти и Сакуту, и Сёко.

Должно быть, она работала здесь с того момента, как узнала, что у старшей Сёко сердце Сакуты. Скорее всего, она провела несколько дней без сна в поисках решения.

Сакута так глубоко погрузился в свои проблемы, что не заметил усердной работы Рио. Она тоже страдала, боролась с судьбой вместе с ним. Отказывалась сдаваться, пока не устала ждать кофе.

Но она не нашла желаемого решения.

— Спасибо, Футаба.

Он обошел ее сзади, нашел пальто возле сумки и накрыл ее им.

— ...

Она не проснулась. Если этого было бы достаточно, чтобы разбудить ее и заставить заметить его, Рио бы сделала так, когда он вошел.

Положив руки на плечи Рио, он ничего не почувствовал. Его прикосновения не доходили до тела. Он не чувствовал размер ее тела, тепла или веса.

— Будучи человеком-невидимкой, нельзя даже повеселиться, — сказал он в пустоту.

Это было всего лишь его ворчание по поводу всей этой чертовой ситуации. Мимолетный комментарий был сказан в надежде остановить нарастающее чувство паники.

Ему нужно было найти способ, чтобы кто-то смог его заметить. И так как у Рио нельзя было спросить ответа, ему придется найти его самому.

Его взгляд упал на сумку Рио. И телефон, лежащий в кармане.

— Я одолжу его на секунду, — сказал он, по привычке.

Он начал набирать номер, но его палец вдруг задрожал. Это были одиннадцать цифр номера Май. Если он нажмет на кнопку вызова то, скорее всего, услышит ее голос. Предвкушение взяло верх над ним, вызывая дрожь по всему телу.

Он смог нажать на кнопку и приложить телефон к уху.

— ?..

Но вскоре понял, что что-то не так.

Он ничего не слышал.

Сакута проверил экран. Телефон показывал, что идет вызов. Но когда он поднес его к уху, не было слышно, ни гудков, ни голоса на другом конце. Ни слабого звука ответа на звонок.

Он набрал номер еще раз.

— ...

То же самое.

Он позвонил домой, где живет он и его сестра Каэдэ, на домашний телефон.

Старшая Сёко живет с ним. Она должна быть дома. Сёко была из будущего, поэтому он надеялся, что она услышит его. Сакута вложил много надежд в этот звонок.

Но, как и номер Май, он даже не зазвонил. Не было соединения. Неважно сколько раз бы он не пытался, результат оставался прежним.

— Окей, звонки не работают.

Он открыл список контактов Футабы и нашел в нем Май. Сакута знал, что они иногда переписывались и, найдя контакт, указанный как «Сакурадзима», напечатал: «Это Сакута», и нажал «Отправить».

— ...

Ответа не было. Телефон вообще не реагировал.

Тут логика подвела его, но стало ясно, что никто не слышал его. Ничего не понимая, он должен был принять этот факт.

Может он действительно был котом Шредингера.

Коробка, в которой он находился, была плотно закрыта. Стуканье по стенам ничего не дало. Ни вибрации, ни звуки не достигали внешнего мира.

У него не было способа сообщить кому-либо о своем существовании. Все, что он мог делать, — это ждать, пока кто-то откроет коробку.

Он чувствовал, что у Май есть ключ. Конечно, у него не было оснований так считать. Просто вера в то, что она увидит его.

Но Май здесь не было. 24 декабря она была в городской студии, снималась в оставшихся сценах для ее фильма. И Сакута понятия не имел, где находится эта студия.

Если звонки и сообщения не работали, значит, у него не было возможности связаться с ней самому.

— Я по уши в дерьме, да?

Сакута решил, что это спокойная и точная оценка его затруднительного положения.

Единственное время и место, где он точно мог встретиться с Май, это прямо перед аварией. Сакута точно знал, что она будет там перед мостом Бэнтэн в шесть часов. Чтобы спасти настоящего Сакуту...

— ...Но это не выход.

Это было слишком рискованно. Даже если он найдет ее в рождественской толпе, что будет, если она не увидит его? Он не мог успеть все в последнюю минуту.

И хуже, что если он остановит Май, то некому будет остановить настоящего Сакуту.

Согласно тому, что говорила Рио ему раньше, принцип работы квантовой механики гласил, что настоящий Сакута и будущий Сакута никогда не встретятся.

Другими словами, он - будущий Сакута, не мог быть тем, кто остановит его настоящего. Он не мог подбежать сам к себе, ударить по лицу и не дать себе попасть на место аварии. Сакута не должен был надеяться, что это выход.

Его лучший выход - это рассказать настоящему Сакуте и Май о будущем, до инцидента.

Но для этого Сакуте нужно было, чтобы кто-нибудь открыл коробку и подтвердил его существование в этой временной линии.

Оставался вопрос: «Кто?».

У кого еще может быть ключ? Сёко? Будущая Сёко, которая получит свое сердце при трансплантации. Эмоционально, это имело смысл, если он мог подтвердить ее существование, то она могла бы подтвердить его существование.

Сакута догадывался, где она могла быть. Он знал, что утром 24 декабря она была у него дома. Она проводила его до двери, когда он уходил в школу. Сакута помнил ее улыбку.

— Это мой лучший вариант.

Часть его души полагала, что довольно грустно вновь полагаться на нее, особенно учитывая то, что он хочет сделать - лишить ее будущего. Он не должен заставлять ее помогать ему в этом. Несколько дней назад от этой мысли он бы задумался. Но теперь нет. Сакута принял решение.

— ...

От этого боль не становилась меньше. Но он выбрал этот путь. Он решил построить будущее с Май. И он сделает это любой ценой.

Сакута положил телефон Рио обратно в сумку и повернулся в сторону выхода. Он намеревался отправиться домой в надежде найти там старшую Сёко.

Но, открыв дверь, остановился.

Услышав движение позади себя, обернулся.

— Я?.. — пробормотала Рио, присев. Все еще полусонная. Пальто, которое он накинул на нее, упало на пол.

— ...

Рио рассеяно уставилась на пальто. Затем она подняла его, оттряхнула и положила на сумку.

Она оглядела лабораторный стол. Из колбы на проволочной сетке все еще поднимался пар. Но спиртовка под ней была накрыта крышкой. Рио провела по ней рукой, ощущая жар.

— Все еще теплая, — прошептала она.

Рио хмурым взглядом окинула кабинет.

— Футаба? — позвал ее Сакута, подойдя ближе. Может быть, она заметила его. В нем воскресли надежды. — Я здесь! — крикнул он.

— Наверное, учитель потушил ее... — заключила Рио.

— Нет, это был я! — запротестовал он, с ноткой отчаяния в голосе.

Но ее взгляд не был сосредоточен на нем. Он стоял прямо перед столом, но Рио не замечала его. Она смотрела прямо сквозь него на потолок. Если бы она видела его, то ее взгляд никогда бы не был сосредоточен на нем.

— Земля вызывает Футабу! Я прямо перед тобой!

Он помахал рукой перед ее лицом. В какой-то момент схватил за щеки. Бесплезно.

Рио просто повернулась к нему спиной, снова устремив взгляд на доску.

Она взяла мел и начала что-то писать.

Сакута обошел стол и написал большими буквами «Посмотри на меня, Футаба!».

Рио не обернулась.

Она не могла видеть, что он пишет. Нацарапав свою формулу поверх его слов, она не обращала внимания на неразборчивость написанного.

— Похоже, на этот раз я действительно не могу положиться на тебя, верно?

Учитывая его проблему, здесь ему больше не с кем говорить. То, что он не мог положиться на нее в эту минуту – ужасало. Прежде она всегда ему помогала...

Но в то же время он помнил все, что она ему говорила.

Рио рассказывала ему о потенциально мертвом коте, и это помогло ему справиться с незаметностью.

Понимание основных принципов облегчило смятение от действительно невероятной ситуации.

Это дало ему направление, представление о том, что ему нужно сделать и чего достичь.

Он должен найти того, кто заметит его.

— Может, мне следовало быть немного внимательней...

Сейчас слишком поздно сожалеть об этом.

Выбросив это из головы, он вновь направился в сторону выхода. Ему надо было поскорее вернуться домой.

Но по пути к выходу он остановился.

Перед учительской...

...что-то привлекло его внимание.

Куча костюмов для спортивных и культурных фестивалей. Должно быть, их привезли из

химчистки. Каждый из них был в пакете с номерной биркой.

Одним из них был костюм кролика.

Сакута вспомнил день, когда он встретил Май.

Дикая девушка-кролик в библиотеке Сёнандай.

— Буду действовать, подражая Май.

Сакута потянулся за костюмом кролика.

Часть 2

— А он не так уж плох.

Сакута вернулся из будущего в своей спортивной школьной форме, так что костюм кролика хорошо защищал его от холода.

Свою обувь он также забыл в будущем. И тут тоже костюм помог.

К нему прилагался головной убор, но так как он закрывал обзор, Сакута носил его под мышкой.

Сперва он направился на станцию Шичиригахама.

У него не было с собой пропуска или денег на билет, но, поскольку его никто не видел, Сакута просто прошел турникеты, и сел на поезд до Фудзисавы.

Он встал около дверей и осмотрел вагон.

Вагон был переполнен людьми, прибывшими из Камакуры, но никто не замечал ни его, ни его костюма. Если бы кто-то заметил, то, несомненно, он бы услышал шепот.

— Разве это не безумие?

— Он сумасшедший.

— Точно сумасшедший.

И много сдерживающихся ухмылок. Но ничего такого не было. Никто не смотрел на него и не отворачивался.

Будто он сделан из воздуха.

Прошлой весной, когда у Май пробудился подростковый синдром, наверное, она чувствовала то же самое.

Чувство очень близкое к отвержению.

Если люди тебя игнорируют, то ты это чувствуешь, но Сакута даже этого не понимал.

Он вообще... ничего не чувствовал.

Сакута по-новому понял, почему Май разгуливала по округе в пикантном костюме девочки-зайки. Настолько она хотела, чтобы ее хоть кто-то заметил.

Костюмы делали их нелепыми, но оставаться незаметными было гораздо хуже, как для него сейчас, так и для Май тогда. Сакута был готов хвататься за любую соломинку.

— У меня все еще есть костюм девочки-зайки.

Когда все это закончится, он попросит ее надеть его вновь.

Он выглянул в окно, когда поезд подъехал к станции Эносима. Половина пассажиров вышла, столько же вошло.

Прибывшие пассажиры также не замечали его. Он стоял около дверей прямо перед их глазами, но никто даже не взглянул в его сторону.

По пути к конечной станции Фудзисава его никто так и не заметил.

Он вышел первым и направился к турникетам, но обернулся и осмотрел платформу. Затем в костюме поднял обе руки.

— Меня кто-нибудь видит?! — закричал он на всю станцию.

Сакута чувствовал себя супер глупо, но никто из сотни пассажиров, сканирующих свои пропуска и проходящих через турникеты, не заметил его выходок.

Здесь никто не видел Сакуту. Никто не замечал его, сталкиваясь с ним плечами. Не чувствуя столкновения, он был уверен, что другие его тоже не чувствовали.

Не позволяя себе расстроиться от этого, он развернулся и покинул станцию.

Проходя через станцию, он спрятал голову костюма в шкафчик. Отсюда и до его дома было десять минут ходьбы, и, может быть, пять минут, если побежать. Большая голова костюма лишь замедлила бы его.

Так как шкафчик, в котором Май хранила свой костюм девушки-кролика, оказался пустым, Сакута решил воспользоваться им.

У него не было монетки, чтобы его закрыть.

— С ней ничего не случится.

В данный момент он обладал непробиваемым барьером - невидимостью. Поэтому беспокойство о голове от костюма казалось пустой тратой времени.

Освободив руки, он выбежал на снег. От холодного воздуха его легкие разрывало, а нос болел.

Пять минут спустя, сильно запыхавшись, он стоял возле многоквартирного дома, где жили он и Каэдэ. Накануне Каэдэ уехала навестить дедушку с бабушкой, так что если кто-то и был дома - то это старшая Сёко и, конечно же, их трехцветная кошка Насуно.

Сакута смотрел сквозь двери с автоматическим замком. Он не взял свой ключ из будущего, так что у него не было возможности попасть в собственный дом.

Он попробовал вызвать домофон.

Сакута набрал номер их квартиры и нажал кнопку вызова. Это было удивительно сложно. Живя здесь, он никогда не пользовался им, так как всегда имел при себе ключ.

— Звонок идет?

Он даже не был уверен.

Чтобы убедиться, он снова ввел номер своей квартиры и попробовал еще раз.

— ...

Он подождал, но ответа не последовало.

Ему оставалось надеяться, что Сёко ответит.

Сакута хотел попробовать войти через дверь дома, но тогда ему пришлось бы ждать, пока кто-то войдет или выйдет.

Решив, что излишняя ходьба лишь вымотает его, он сел, прислонившись к стене. Время было ограничено, и сидение здесь не способствовало его психическому здоровью. Он чувствовал, как в нем растет раздражение.

Восстановив дыхание, он вновь встал на ноги.

Надеясь отвлечься, Сакута заглянул в свой почтовый ящик.

И он нашел кое-что неожиданное.

— ...А?

В нем был ключ.

Он выглядел знакомо.

Сакута был уверен, что это ключ от его дома. Запасной ключ, который он отдал Сёко, пока она жила с ними.

Достать ключ в костюме было испытанием, но он справился.

Так же много времени потребовалось, чтобы вставить его в замочную скважину и открыть входную дверь.

На лифте он поднялся на пятый этаж.

Сакута побежал по коридору к своей квартире. Так как она была заперта, он открыл ее.

— Сёко! — позвал он, будучи уверенным, что ее здесь нет. Но он должен был знать это наверняка.

Ответа не последовало.

Никто не вышел поприветствовать его.

— Сёко! — крикнул он, влетая в гостиную.

Его встретила характерная тишина пустой квартиры. Раздавалось лишь жужжание работающего обогревателя.

Никаких следов Сёко ни в комнате Сакуты, ни в комнате Каэдэ, ни в туалете, ни в ванной, ни в шкафу.

Комната была чистой и опрятной. Кухонная раковина была начищена и блестела, нигде ни капли воды. Даже посуда, которую всегда оставляли на сушилке, была убрана в шкаф. Котацу было расправлено. Квартира напоминала демонстрационное помещение для проекта жилищного строительства, казалось, будто тут никто никогда не жил.

Сёко не оставила ни единого следа своего присутствия, за исключением ключа в почтовом ящике.

Она пообещала ему о свидании в шесть вечера. У фонарей-драконов, перед мостом Бэнтэн.

И только сейчас он узнал, как рано она ушла. Сакута даже не подозревал, насколько тщательно она убралась, чтобы замести свои следы. В его голове была лишь Май, поэтому он не мог обратить внимание на состояние комнаты.

— ...

Вернувшись в гостиную, он остановился, и стоял, пока что-то не запрыгнуло накотацу. Их кошка Насуно. Именно ради нее они держали отопление включенным весь день.

Насуно, казалось, пялилась на него.

— Насуно? — сказал он, но она отвернулась, почесывая шею задней лапой. Затем кошка вернулась подкотацу.

Он думал, что она видит его, но, видимо, это было его воображение.

— ...Я обречен.

Казалось, что произнесенное вызвало реакцию, так как по спине пробежался холодок.

Сначала он не мог найти Май, теперь Сёко.

Каэдэ была слишком далеко, чтобы уложиться в срок.

Путь в каждую сторону занимал по два часа, а поездка туда и обратно продлится чуть ли не до семи. Не было никакой гарантии, что Каэдэ сможет его увидеть. Не самый лучший риск.

— Думаю, мне просто надо найти толпу.

Возможно, кто-то да увидит его.

Поиск иголки в стоге сена, по крайней мере, лучше, чем просто стоять в гостинной и пялиться на кошку.

Сдаться не вариант.

Такого исхода событий просто не существовало.

Сакута открыл холодильник и достал бутылку с синей этикеткой. Это был спортивный напиток, в рекламе которого снималась Май. Большая двухлитровая бутылка. Она была заполнена на треть, но он выпил все. Пополнив жидкость в организме, он выбросил бутылку в мусорку и через мгновение вышел за порог.

Сакута вернулся на станцию Фудзисава.

В сердце города с населением в четыреста тысяч человек.

Большинство жителей проходят здесь каждый день.

Три линии JR East, Одакю и Энодэн проходили через эту станцию. Вокруг всегда была куча народа. Время было 14:30. Рядом было много учеников начальных и старших классов, в униформе. Много студенческих групп и парочек. Все ехали на Эносиму, встретить Рождество, как это принято у молодежи. Многие были в восторге от слабо идущего снега.

На противоположной стороне стояло много деловых людей в костюмах и галстуках. Их лица были мрачнее облаков на небе. Большинство открыли свои зонтики прежде, чем покинули крытую часть станции.

Сакута бесцельно бродил среди этой толпы.

Без зонтика, все еще одетый как кролик.

Никто не обращал на него внимания.

Стряхнув снег с плеч, он вошел на станцию. Достал голову костюма и одел ее, но и это не привлекло никакого внимания.

Они по-прежнему не замечали его. Иными словами – его в этом будущем даже нет. Они его не воспринимали, так как его не существовало.

Но он закричал, не надеясь, что его кто-то услышит.

— Кто-нибудь меня видит?!

Он хлопал и прыгал в костюме.

— Давайте! Взгляните на меня!

Каждые несколько минут прибывал поезд, везущий кучу людей. Сакута стоял перед турникетами на линию JR East. За ним шел еще один поток людей с линий Одакю-Эносима и Энодэн.

Казалось, что здесь было народу больше обычного. Наверное, из-за выходного. Так как куча людей ехали на Эносиму, чтобы провести там рождественское свидание.

— Эй!

Бесчисленное количество людей. Через него проходили сотни, нет, тысячи людей.

Но никто из них не видел его и не слышал его криков.

Меньше чем через двадцать минут он сорвал голос.

Усталость настигла, и силы покидали его.

Через тридцать минут, Сакута почувствовал, как внутри него нарастает одна эмоция.

Страх, как виноградная лоза охватывал его, цепляясь усиками за каждый сантиметр его тела, обвиваясь вокруг его сердца, и сжимая его все крепче.

Он не планировал сдаваться.

Но... что если он ничего не сможет сделать?

Эта возможность раздувалась и разрывала его.

— Кто-нибудь! Ну, хоть кто-то! — закричал он, пытаясь побороть страх. — Слышит мой голос?

Он смотрел налево и направо, осматривая толпу вокруг него. Кто-то пытался успеть на поезд. Кто-то залипал в телефоне. Кто-то звонил друзьям или смеялся с тем, кого ждал.

Никто из них не видел Сакуту.

— Пожалуйста, послушайте! Услышьте мой голос!

Очаг страха разгорелся еще сильнее.

Вдруг начало казаться, что он проторчит здесь до шести.

Роковая трагедия, могла повториться вновь.

От этой мысли он задрожал.

Он не хотел вспоминать.

Машину, врезающуюся в дорожный знак.

Черный мини-фургон.

Май лежавшую рядом с ним.

Ее неподвижное тело на снегу.

И лужа крови, окрасившая снег в красный цвет.

Приехавшая скорая помощь, которая не смогла ее спасти.

В больнице... ей не смогли помочь.

— «Когда она прибыла к нам, было уже слишком поздно».

Слова доктора после операции все еще отдавались эхом в ушах Сакуты. Он пытался забыть их, но они возвращались от малейшей провокации, сжимая его сердце. С тех пор его сковывали

невидимые цепи, которые не давали ему ничего сделать.

И это ужасное будущее может настать вновь.

Если Сакута его не изменит.

Если это настоящее, то еще одной попытки не будет.

Он не мог провалиться. Провал был невозможен. Следующего раза не будет.

— Эй! Послушайте! Услышьте меня!

Его голос становился все отчаяннее, пока он пытался удержать страх.

— Хоть кто-то должен!

Его не пугало, что никто его не видит.

— Ну, хоть кто-то!

Он не боялся остаться один.

— Ну же!

Он боялся потерять Май.

— Услышьте меня!

Боялся не спасти ее.

— Кто-нибудь видит меня?

Он увидел мужчину, смотрящего в свой телефон и схватил его за плечи.

— Вы меня видите?

Сакута дернул за руку работника станции.

— Пожалуйста! Хоть один!

Он вцепился в проходящего мимо полицейского.

— Увидьте меня!

Но никто не видел его. Станция до отказа была забита людьми, но его по-прежнему никто не видел.

— Дайте мне шанс спасти Май...

Сакута искренне выдавил из себя эту мольбу.

— Пожалуйста. Молю вас.

Но никто не услышал ни его криков, ни его мольбы. Для них мольбы Сакуты не существовало.

Приливы и отливы толп были безликими и пустыми. У каждого человека было особенное лицо, но для Сакуты все они были одинаковыми. После этого его зрение помутнело. Он почувствовал головокружение, его ноги подкосило и упал на землю.

Сакута попытался встать, но у него не хватило сил.

Он думал, что все еще эмоционально держится, но тело инстинктивно сдалось.

Этот бессмысленный кошмар стал невыносимым.

Он попытался вновь, напрягая мышцы ног.

Но все что он смог сделать – это издать свист воздухом, исходящим из его легких.

Затем на него упала тень.

Все что он мог видеть, это были плитки на земле, а затем пара ног остановилась перед ним. Темно-синие носки и коричневые туфли – классический наряд старшеклассницы.

— Что ты делаешь, сэмпай?

Позвал его голос сверху. Он узнал этот голос.

Даже если бы он его не признал, лишь один человек зовет его «сэмпай».

— Кога... — прохрипел он, поднимая голову.

Перед ним стояла миниатюрная старшеклассница в симпатичном коричневом пальто, а под ним школьная форма Минегахары. У нее были пушистые короткие волосы и безупречный макияж. Но выражение ее лица не было милым. Она смотрела на него со смесью отвращения, растерянности и тревоги. Но ее глаза были четко сфокусированы на нем.

— ...Ты можешь меня видеть? — его голос и губы дрожали.

— О чем ты говоришь?

Казалось, она действительно не знала. Он увидел свое отражение в ее глазах.

— ...Ты можешь меня слышать?

— Я могу видеть и слышать тебя. Оглянись, все пьются.

Томоэ оглянула толпу вокруг них, выглядя смущенной.

— Да?

Как только она это сказала, он почувствовал взгляды на себе. Несчетное количество людей пялились. Никто не останавливался, но люди, идущие по обе стороны от турникетов, мимоходом бросали взгляды на Сакуту. Было необычно видеть странного ребенка в костюме кролика.

— А...

Это было его честное мнение насчет этой ситуации. В одно мгновение, из зажатого угла, перед ним открылись широкие горизонты. Кто-то открыл крышку ящика, в котором он застрял. И вдруг он оказался здесь.

Томоэ сделала это для него. Она нашла его.

— Сэмпай, у тебя совсем крыша поехала?

В ее глазах была выражена настороженность.

Она действительно могла видеть его.

Она действительно слышала его голос.

Когда он это осознал, его руки потянулись к ее ногам.

— Господи! Остановись!

Томоэ ловко отскочила назад.

— Ну же, не убегай.

— Все потому, что сэмпай пытается прикоснуться к чему-то странному!

— Что странного в твоих лодыжках?

— Последнее, что я хочу слышать - это комментарии о моих пухлых лодыжках, — пробормотала она.

— Тогда я согласен на бедра.

— Еще хуже.

— Неважно где, но позволь мне потрогать тебя.

Томоэ уставилась на него, прищуренным взглядом, явно не понимая его слов.

— Ты явно все поняла неправильно, — сказал Сакута.

— Я понимаю, что ты представляешь угрозу для общества.

— Где я могу потрогать тебя?

— Я хочу, чтобы ты ко мне вообще не прикасался.

Это ни к чему его не привело.

— Хорошо. Вместо этого ты потрогаешь меня.

Томоэ сделала такое лицо, словно увидела мусор на тротуаре.

— Прибереги этот фетиш для Сакурадзимы, — проворчала она.

— Нет, это не...

Он попытался объясниться, но не смог подобрать слов. Чтобы рассказать всю историю потребовалась бы вечность, и, скорее всего, она бы ему не поверила. А если бы поверила, то от этого бы лишь разволновалась. Все это вызывало тревогу.

— Сэмпай, ты постарел с последнего момента нашей встречи, — сказала она, вытащив его из раздумий.

— Да?

— Выглядишь дерьмово, — она опустилась на колени, вглядываясь в его лицо.

— Могу представить.

— ...

Томоэ выглядела ошеломленной. Наверное, она не ожидала, что он согласится с ней.

— Это странно.

— На сколько?

— Ты обычно говоришь: «Ты растолстела! Особенно твой зад!», будто тебе просто нравится изводить меня.

— Я таких вещей не говорю.

— Еще как говоришь! Вроде бы, три раза в неделю.

— Жаль, что не четыре.

— Ну вот, сам признался.

— Если это действительно тебе надоедает, скажи и я остановлюсь.

— ...

От того, что он не стал спорить, Томоэ раззадорилась еще больше. Она прямо нахмурилась.

— Ты сегодня явно странный.

— Я всегда странный.

— Правда, но...

Она казалась неубежденной.

— Аргх! Ладно. Ладно.

Томоэ сердито протянула обе руки.

— Тогда коснись моих чертовых рук.

— И ты так говоришь это.

— Какая разница! Потрогай их уже.

— Не возникай, если я так сделаю.

Он крепко сжал маленькие ручки Томоэ в своих пушистых лапах.

— На счет три! — сказал он на диалекте Фукоки.

Все еще держа руки, он наслаждался ощущением ее ладоней.

— Пусти уже!

Томоэ вырвала руки, ярко покраснев. Сакута чувствовал ее ручки. Они были маленькими, но абсолютно осязаемыми. К нему снова вернулось осязание, от чего он был невероятно счастлив.

— Не делай странностей, сэмпай.

— Я не делал.

— Делал! Я имею в виду мои руки... — она колебалась.

Тогда он сказал, — Кога, ты мне нужна.

— !..

Она покраснела еще сильнее. Прямо до самых ушей. Холод не был причиной этому. Они встретились глазами, и она поспешно отвела взгляд.

— Клянусь, я... я не все понимаю, — объяснилась она.

Он даже еще ничего не сказал.

— Так что тебе от меня нужно? — спросила она с легким намеком на злобу.

Часть 3

Обычно он ходил до больницы пешком, но сегодня они сели на автобус. Было трудно идти по такому снегу, и времени было в обрез.

Сакута пошел в заднюю часть автобуса и сел на место для двоих, но Томоэ решила сесть напротив него. Его костюм привлекал много внимания, так что Кога решила сделать вид, что не знает его.

— Ах, точно, Кога...

— ...

Она игнорировала его, даже когда он говорил.

— У тебя были планы?

— ...На что?

Томоэ взглянула на него через плечо, держа голос тихим.

— Единственная причина твоего пребывания на станции — это если бы ты садилась на поезд.

Она нашла его около турникетов линии JR East. Это было недалеко от перехода на линии Одакю и Эноден, поэтому там проходили только пассажиры линии JR East.

— Будто у меня есть планы на Рождество, — проворчала она. — В отличие от тебя, у меня нет второй половинки.

Несомненно, Рождество было больной точкой.

— Тогда почему ты там оказалась?

— ...

Томоэ повернулась к нему боком, и окинула ищущим взглядом.

В вопросе Сакуты не было явного подвоха, но ее реакция подсказывала, что он есть.

— Так что?

— Просто так, — сказала она, надувшись.

Она длинно выдохнула, и когда автобус остановился на красном, встала и села рядом с Сакутой. Когда автобус снова поехал, сказала, — Обещай не смеяться.

— Я бы хотел услышать смешную историю.

Казалось, что он не смеялся очень давно. Одно за другим происходило множество не веселых событий.

— Тогда не расскажу.

— Не вредничай.

— Ты первый начал.

— Нет, я явно другое имел в виду.

— Разве обычно ты не это делаешь?

— Тебя весело дразнить, Кога.

Сдаваясь, она вздохнула.

— Прошлой ночью ты мне приснился, — неохотно сказала она.

— Правда?

— На станции ты попал в беду. Взывал ко всем вокруг... но никто не обращал на тебя внимания. Я не могла разобрать, что ты говорил, но голос твой был отчаянным.

— ...

Именно это произошло до того, как Томоэ нашла его.

— Но это был сон, верно?

— Да, но... летом с нами произошли некоторые странности, помнишь? — сказала она.

— Да.

Это был подростковый синдром Томоэ. Как ни странно, она создавала временную петлю, которая повторялась, пока она не заполучала желаемый исход будущего. Они пришли к выводу, что она моделирует будущее в своих снах, а Сакута был втянут в них насильно.

— Так что этот сон сильно обеспокоил меня.

— И все?

— Я никогда не видела тебя таким.

— ...

— Не хочу видеть, как ты плачешь и кричишь.

— Да...

Возможно, это было будущим после ее прибытия. Он, конечно, был в полном отчаянии, но не до такой степени, чтобы разрыдаться. Томоэ нашла его до того, как он успел разрыдаться.

Когда Сакута вляпался в подростковый синдром Томоэ, Рио объяснила ему теорию квантовой

запутанности. Что-то о двух связанных квантовых частицах, способных мгновенно обмениваться информацией независимо от расстояния. И чтобы запутать эти частицы, нужен хороший стимул – лишь это он смутно помнил.

— Каждому человеку нужен кто-то, с кем он мог бы обмениваться пинками под зад.

— Серьезно, забудь об этом.

— Будто мне это по силам.

— Заставь себя.

— Особенно я помню, когда ты сказала: «Сильнее!».

— Ты омерзителен.

Она уставилась на него, а ее щечки покраснели. Ее руки вновь были прижаты к попе, делая ее не очень грозной.

— Кога, ты сегодня очень милая.

— Н-не называй меня милой!

Пока они смеялись над этим, Сакута нажал на кнопку для следующей остановки.

Они вышли на остановке около больницы, в которой лежала Сёко. Белое здание было прямо перед ними.

— Тебе нужна моя помощь... в больнице?

— Да.

— Мы кого-то здесь ищем?

Она открыла зонтик и сделала несколько шагов вперед... но потом развернулась, осознав, что Сакута все еще стоит на остановке.

— Сэмпай? — сказала она, обернувшись. Она была уже в трех метрах от него. — Ты не идешь?

— Кога.

— Мм?

— Окажи мне услугу.

— ...Какую?

Она уловила его мрачный настрой и отнеслась к его словам серьезно.

— Мне нужно, чтобы ты разыскала другого меня.

— ...

— ...

— Хааа?

Издавала она очень глупый звук.

Спустя несколько минут Сакута оказался в небольшом супермаркете недалеко от больницы. Супермаркет, аптека, книжный магазин и другие здания были окружены парковкой.

Он находился в телефонной будке на углу.

Стоял около телефонного аппарата и смотрел на часы, которые он одолжил у Томоэ. До того, как разделить, он пообещал позвонить ей через десять минут.

Причина тому проста - ему надо было поговорить с настоящим Сакутой. Он должен был предупредить его, о грядущем будущем. Настоящему Сакуте надо было знать, что его действия будут стоить жизни Май.

Встретиться напрямую, наверное, было бы проще, но если он правильно понял лекцию Рио, то встреча лицом к лицу настоящего Сакуты и будущего Сакуты невозможна.

Но он знал одно исключение. Прошлым летом, во время подросткового синдрома Рио, она разделилась на две личности, но они смогли поговорить по телефону.

Он посмотрел на часы вновь. Десять минут уже прошли.

Сакута положил сто йен в приемник, которые он тоже одолжил у Томоэ. Он набрал ее мобильный номер из записки, которую она ему дала.

Спустя несколько мгновений после набора последней десятой цифры, он услышал гудки.

Лишь гудков хватило, для облегчения.

— Сэмпай? — послышался голос Томоэ на линии. Она точно звучала потрясенно. И именно по этой причине он позвонил ей.

— Да, это я.

— Вас реально двое.

Он мог сказать, что ее потрясение было соразмерно с ее желанием осыпать его вопросами.

Понимание, что это, скорее всего, подростковый синдром, облегчило ее шок.

Пока Сакута молчал, Томоэ позвала его, — Сэмпай?

Но сейчас у него не было возможности отвечать на ее вопросы.

От контакта с прошлым самим собой у него бешено колотилось сердце.

— Дай мне поговорить с другим мной.

— ...Позже тебе будет лучше объясниться.

Сакута услышал, как она убрала телефон от уха. Он слышал разговаривающие голоса на другом конце. Наверное, Томоэ тщетно пыталась объяснить происходящее настоящему Сакуте. Это было безнадежно.

Но совсем скоро по телефону он услышал дыхание. Видимо, настоящий Сакута решил пойти напролом.

Раздался короткий вдох, а затем...

— Ты на самом деле я?

Неужели Сакута так говорит?

Настоящий Сакута даже не пытался скрыть своих подозрений. Он звучал, словно самоуверенный засранец, но, похоже, он это знал.

— Да, я из будущего на четыре дня вперед, — сказал он.

Он решил пойти сразу напрямую, не блуждая окольными путями.

— Четыре дня?

— Да.

— Но это значит...

— ...

Раздался звук, похожий на глоток.

— И я здесь, чтобы изменить будущее.

— Подожди.

В голосе настоящего Сакуты росла враждебность.

Сакута точно знал почему. Если он действительно из будущего, то это значит - он выжил. Настоящий Сакута понял это, и у него возник очевидный вопрос.

— Я не попал в аварию? — спросил настоящий Сакута, явно сдерживая свои эмоции.

— Нет, — ответил Сакута.

— Тогда Макинохара... — его голос дрожал. Он был расстроен, так как думал, что он лишил ее будущего.

— Не бойся. Трансплантация прошла успешно.

— ?..

Безмолвный вопрос, выраженный лишь одним дыханием.

— Даже если я не попал в аварию? — спросил он медленно. Подбирая слова.

— Верно, — ответ был тихим.

— ...

— Так что тебе не надо ехать на место аварии.

— ...Это не имеет значения.

Он звучал очень спокойно и уверенно.

Но настоящий Сакута понимал, что что-то не сходится. Даже этого короткого диалога хватило, чтобы рассказать ему это. Он надеялся не говорить об этом. Но это не казалось приемлемым вариантом.

— Если бы будущее хорошо сложилось, зачем мне надо было бы возвращаться в прошлое? — спросил он.

— ...

— Кое-кто умрет вместо тебя.

Даже если Сакута не сказал это, он был уверен, что эта мысль промелькнула в голове настоящего Сакуты. И мрачное спокойствие в его голосе этому подтверждение.

— Кто?

Это скорее было подтверждение догадке, чем вопрос. Проверял ее верность. Наверное, надеялся, что она окажется неверной.

Но будущий Сакута не мог оправдать надежд настоящего Сакуты. Он мог лишь сказать правду.

— Май.

Лишь произнеся это вслух, к нему вернулись те воспоминания. Невидимая сила содрогнула его тело. Он едва дышал. Задыхаясь, Сакута отчаянно пытался вдохнуть кислород. Единственное, что он мог это прижать руку к груди, и ждать волны боли и горя, которая захлестнет его.

— Что?

— ...

— Где я ошибся?

— Прямо перед столкновением. Май вытолкнула меня из-под машины.

— ...

— Поэтому я выжил.

— ...

Настоящему Сакуте еще не приходилось испытывать подобное, но он все равно потерял дар речи. Его выражение лица Сакута не мог предугадать. Так как представлять это было бы бессмысленным, он просто забыл об этом.

— Я жив благодаря Май, — сказал он, сделав факты предельно ясными.

Это будущее должно было случиться в шесть часов вечера 24 декабря.

— Так... что? — пробормотал настоящий Сакута.

Пройдя этот путь сам, он знал, какого взвешивать жизни. Пожертвовать собой ради Сёко? Или выжить ради будущего с Май?

У него было два выхода.

Он ломал голову, но в итоге ему надоело думать об этом, и теперь в последнюю минуту появился будущий Сакута с третьим исходом событий. Это была сложная задача - понять концепцию, принять правду и разобраться в своих чувствах. Переосмысление всего этого сейчас, вызвало бы у него отрицание правды.

И у него не было возможности узнать правильный выбор.

Настоящий Сакута молчал. Скорее всего, он даже не мог думать. Но будущий Сакута был другим. Он уже все обдумал и сделал выбор. И поскольку он сделал выбор, он вернулся в прошлое, чтобы навязать его самому себе.

— Я здесь, чтобы спасти Май.

— ...

— Так что не думай идти с ней на свидание.

— Но...

— Если пойдешь, Май умрет.

— !

— Если пойдешь к океанариуму, Май погибнет.

Как только он это сказал, у него потекли слезы. На половине фразы его голос оборвался из-за слез. Но он не собирался долго успокаивать эмоции.

— И я не собираюсь проходить через ее смерть вновь!

Он должен был как-то передать эти чувства. Ему нужно было, чтобы настоящий Сакута познал ужас.

— Смерть Май... не выход.

— ...Но если я не пойду, что будет с Макинохарой?

Очевидный вопрос. Его эмоции были не менее сильными.

— ...

Но у Сакуты не было ответа. Это молчание могло сказать о многом.

— Что ты творишь?

— Я сделал выбор.

— Ты это я. Как ты можешь так поступить? — его голос был тихим. Возможно, он осознал намерения Сакуты. — Ты хочешь, чтобы я бросил ее?

Его тон был холодным и презрительным. Он открыто упрекал и опровергал Сакуту.

— Тебя не волнует, что случится с Макинохарой?!

— Конечно волнует!

Его определенно волновала Макинохара, и он не солгал. Но он понимал, что он должен сделать выбор. Пройдя через смерть Май, будущий Сакута знал правильный выбор.

— Ты тоже ее видел. Макинохару, цепляющуюся за жизнь, в отделении интенсивной терапии.

— ...

— Все, через что она прошла, стараясь никого не беспокоить, скрывая собственные страхи и страдания... Она всегда улыбалась тебе.

— ...

— И тебе плевать на все это? Пустишь ее старания насмарку?

Это шипение разорвало Сакуту на части, поразив его в самую болезную точку.

Он сжал трубку еще крепче, но выражение его лица не изменилось.

Сакута сделал свой выбор.

И он пришел из будущего, чтобы воплотить его.

— Я хочу сделать Май счастливой.

— Это не ответ!

— Я ничем не могу помочь Макинохаре.

— !.. Т... ты действительно я?!

— Да.

— Ты заблуждаешься.

Не осталось ничего, кроме презрения.

— Может быть.

— Ты с ума сошел.

Раздражение и презрение.

— Я переживу.

— ...

Сакута был непоколебим, от чего его собеседник замолчал.

— Если я выживу, и сделаю Май счастливой... этого будет достаточно.

— Как ты можешь так говорить?! Лучше пусть собьют меня, чем я позволю Макинохаре умереть! Так и должно быть!

— Даже если Май будет плакать?

— Просто останови ее!..

И с этими словами он бросил трубку.

— Я упрямый как осел. — пробормотал он с телефоном у уха.

Без разницы в четыре дня между ними он бы сделал тот же выбор. События, произошедшие 24 декабря, навсегда изменили его.

Он положил, а затем вновь взял трубку, для того чтобы позвонить на тот же самый номер.

— Ох, сэмпай? — ответила Томоэ.

— Что случилось с другим мной?

— Не знаю. Он куда-то убежал, — сказала она. — Что происходит?

— А на что это похоже?

— Я не знаю, поэтому спрашиваю!

— Что-то случилось и меня стало двое. Такое постоянно происходит.

— Это не так!

— Правда?

Поводы были разными, но между Сёко, Рио и им самим, он сталкивается с подобным уже в третий раз. То, что происходило так часто, нельзя было назвать обычным.

— Сэмпай, а это действительно ты?

— Ох, это мне напомнило. Проследи, чтобы тот парень вернул тебе три тысячи йен, которые я одолжил.

— Не бери в голову, это точно ты.

Он не был уверен, почему именно эти слова ее убедили, но, по крайней мере, она ему поверила.

— Это подростковый синдром, верно?

— Ну, да.

— Могу я чем-то помочь?

— Ты уже выручила меня.

Честно говоря, ему и в голову не приходило, что именно Томоэ придет к нему на помощь.

— Но тебя по-прежнему двое! И вы боретесь с чем-то серьезным, так ведь?

— Не беспокойся. У меня есть план.

— ...

Без чьей-либо помощи он мог представить ее недовольное выражение лица.

— Не дуйся.

— Я не дуюсь.

Она точно дулась.

— Окей, можно попросить тебя еще об одном?

— Хорошо, и о чем же?

— Если увидишь меня завтра или после... просто будь собой.

— ...Заметано.

Наверное, она не все поняла, но его серьезный тон оказал на нее влияние, поэтому Томоз ответила так же.

— Хорошей помощью будет, если я смогу помогать до тебя как обычно.

— Я должна выдвинуть обвинения.

— Это в твоём духе.

— Это мое законное беспокойство!

Спустя долгое время, он наконец-то громко рассмеялся.

Он не пытался что-то скрыть от нее. Однажды, когда все это закончится, он планировал рассказать ей все возможное. Но пока все не закончится, а именно не пройдет шесть часов вечера, он не может быть уверен в своем будущем. Так что ему не хотелось давать никаких обещаний.

Сакута вернулся из будущего из-за подросткового синдрома настоящего Сакуты. Но что произойдет с Сакутой из будущего, когда все это разрешится? Он вернется обратно в свое будущее? Или же он и его будущее перестанут существовать? Сакута не знал. Он не мог точно сказать, пока это не случится.

— Ну, я не совсем рада этому, но ладно. Сэмпай, тебя поджигает время, верно?

— Да.

— Тогда, поговорим позже.

— Да, до скорого.

И все же он согласился поговорить вновь. Сакута посмеялся над собой и положил трубку. Но, вспомнив кое-что, взял ее снова.

Он должен был найти номер где-то глубоко в своей памяти.

Набрав одиннадцать цифр, он глубоко выдохнул.

— Давай же, возьми трубку, — пробормотал он.

Явный намек, что он беспокоится.

Прошло пять гудков.

— ...

Все еще нет ответа.

Семь гудков. В любую секунду мог включиться автоответчик. Но прежде чем это произошло, кто-то взял трубку. Звонок пошел.

— Да?

Ответила девушка, понизив голос, явно насторожившись, так как ей звонили с общественного телефона.

Но она все равно ответила, потому что знала кое-кого, кто пользовался ими постоянно.

— Это я, Сакута.

— Я поняла, — ответила она, ее голос вновь стал нормальным. Хоть и слегка раздраженным. — Чего тебе?

Это была Нодока.

— Прости за беспокойство, ты ведь занята подготовкой к концерту?

Нодока была певицей в группе айдолов под названием «Сладкая пуля», и он знал, что у нее сегодня рождественский концерт.

— Только что закончилась репетиция. И у меня перерыв, так что?

— Есть идеи, где сейчас находится Май?

— На ТВ студии. Снимается в сцене в помещении.

— Мне интересно месторасположение студии.

— А?

— Хочу повидаться с ней.

Он говорил напрямую.

— Тебя не пустят, если ты просто так приедешь, — сказала она.

Будто она держит его за идиота.

— Ты действительно глуп?

Она также это озвучила.

— Я знаю, и поэтому прошу тебя.

— А? И поэтому ты звонишь?

— Пожалуйста.

— ...

— Серьезно, пожалуйста. Я хочу сделать ей сюрприз.

Он уже принялся просить. Ни шагу назад.

— ...Что произошло в воскресенье? — спросила Нодока, ответив вопросом. — После стрижки Каэдэ... что-то произошло между вами.

— ...

Он помнил. Как сказала Нодока, они все вместе с Каэдэ поехали в парикмахерскую. По пути домой Май и Сакута отделились. Они сели на поезд подальше от дома, по линии Токайдо, прямо до Атами. Там Май много рыдала.

До этого момента Сакута был готов пожертвовать собой ради Сёко. Но слезы Май вернули ему голову. Увидев ее слезы, его решимость пошатнулась.

Впервые ему захотелось жить.

Потребность, которую он никогда так сильно не ощущал.

Он знал, что никогда не захочет заставить Май так плакать.

Но он не мог сказать ей это. Не мог заставить себя сказать что-то настолько ужасное. Ужасное, потому что придется бросить Сёко на произвол судьбы.

— Она вернулась поздно... ничего не сказав, сразу пошла в свою комнату. Не сказав мне ни единого слова.

— Ммм.

— Не смей мыкать на меня!

— Думаю, за это ты меня ударишь.

— Ох? — она уже рычала. — Ты где Сакута?

— В Фудзисаве. Около больницы.

— Тащи свою задницу в Симбаши*.

[П/ОС: Симбаши - район в Минато, Токио. Буквально означает «Новый мост».]

Он взглянул на часы.

— На дорогу уйдет час.

— Будет быстрее, если ты сядешь на синкансэн. В четыре часа, на выходе из JR Карасумори. Со стороны Сиодомэ.

— А? У тебя же скоро выступление?

— У меня есть время до начала, и очевидно, что сначала я ударю тебя.

— Воу. Теперь мне расхотелось ехать.

— И все равно, я для нее все еще не выбрала рождественский подарок. Я делаю это не для тебя, понял?

— Не волнуйся. Ничего из тобою сказанного не могло натолкнуть меня на эту мысль.

— Увидимся в четыре.

— Понял. Уже в пути.

Он повторил: «Симбаши, Выход Карасумори, сторона Сиодомэ», а затем повесил трубку. Собрав кучку монет, он вышел из будки.

Часть 4

Сакута вернулся обратно на станцию Фудзисава и сел на поезд, идущий по линии Токайдо. На синкансэн, направляющийся до Коганеи. Он дважды проверил карту путей на экране над дверями. Шесть остановок отсюда и до Симбаши. Дорога займет у него примерно сорок минут. Нодока было права, на поездку уйдет меньше часа. Теперь ему оставалось лишь молиться, чтобы из-за снега не возникло задержек. В данный момент они не планировались.

— Мама, смотри! Человек в костюме кролика!

На поезд ступила маленькая девочка и указала на Сакуту. На нем все еще был костюм. Он держал голову костюма в руках, так как она не помещалась на багажную полку.

Эта голова привлекла внимание не только маленькой девочки. То же самое происходило по пути через турникеты на станции Фудзисава и во время ожидания прибытия поезда.

После того как Томоэ сделала его видимым для людей, не было практической нужды продолжать носить его, но эмоционально Сакута не был готов расстаться с ним.

Что если люди перестанут видеть его вновь?

Он не мог унять дрожи от этого страха.

И от этого он хотел выделяться, независимо от количества странных взглядов на нем. Он хотел понимать, что люди видят его.

К счастью, было 24 декабря.

Каждый смотрящий на него думал: «Ну, Рождество». Он прошел мимо полицейского на посту на станции Фудзисава без каких-либо вопросов. Может они думали, что он работник кондитерской на перерыве. Он видел Санту и оленей, бегающих вокруг универмагов Фудзисавы, поэтому предположить, что среди них есть кролик, вполне нормально.

— Пока-пока, человек в костюме кролика!

Маленькая девочка и ее мама сошли на одну станцию раньше его пункта назначения.

Сакута помахал им на прощание. Подумал, что было бы неплохо показаться безобидным. Ему не хотелось, чтобы его оклеймили подозрительным и доложили в полицию.

Пока он об этом беспокоился, поезд прибыл на станцию Симбаши.

Он выскочил из поезда еще до полного открытия дверей.

Сакута взглянул на указатели перед собой, ища выход, который указала Нодока. Выход Хибия, выход Гинза, выход Сиодомэ, у станции было определенно много выходов. А запутанный выход Карасумори разделялся на два - до Сиодомэ, и до Карасумори.

— Так значит, вот что имела в виду Тоёхама?

Ему было интересно, почему она указала место после названия выхода. Теперь, когда он оказался здесь, все обрело смысл.

Следуя указателям, он поспешил на место встречи. Часы на платформе показывали, что уже почти четыре.

Спустившись по лестнице, он увидел, что Нодока уже ждала его около турникетов.

Он просканировал свой билет и подошел.

Она подбежала к нему, пока он выходил. Под ее пальто виднелась желтая футболка — цвет Нодоки. На ней сто процентов был логотип «Сладкая пуля».

Они встретились прямо перед ее концертом, поэтому на ее лице был очень яркий макияж. Из-за чего взгляд, которым она на него смотрела, увеличился.

— Ты, должно быть, издеваешься надо мной?

Было очевидно, что она имела в виду его костюм.

— Это результат обдумываний серьезной проблемы, с которой я столкнулся.

Он говорил правду. Каждое его слово. Потребовалась бы целая вечность, чтобы рассказать ей об этой безумно сложной проблеме.

— Но, я думаю, этот костюм где-то может помочь, — сказала она до того, как он успел подобрать слова.

— Что ты имеешь в виду?

— Иди за мной.

Она зашагала прочь.

Пожав плечами, он последовал за ней.

Решив не испытывать удачу, Сакута предпочел не напоминать ей об обещанном ударе.

Снаружи станции был припаркован знакомый автомобиль. Белый минивэн. На таком ездила Рёко Ханавы, менеджер Май.

Раздумывая об этом, он увидел Рёко, сидящую на водительском сидении.

— Залезай, — сказала Нодока, открывая заднюю дверь. — Пролезай до конца. Она подтолкнула

его внутрь, а затем села сама.

— Ты поговорила с ее менеджером? — спросил он.

Он предполагал, что по этой причине она здесь.

— Даже я не могу просто так войти в ТВ студию, не являясь актрисой или персоналом. Хорошо, что у меня был номер Рёко на всякий случай.

— Я дала его тебе не для таких вещей, — сказала Рёко, взглянув на них в зеркало.

— Простите, — сказал он.

— На этот раз я помогу, но... постарайтесь больше не ссориться.

Они встретились глазами в зеркале. Напоминание о том, что они ссорятся уже дважды. В первый раз он заставил Рёко помочь ему в Канадзаве, на день рождения Май. Что не оставило ему никаких аргументов.

— Простите, — извинился он вновь.

Когда Рёко промолчала, он повернулся к Нодоке.

— Эта студия далеко? — спросил он. Его время было ограничено. Он надеялся, что она близко.

— Вот она, — Рёко указала на большое здание рядом с ними. Огромное здание, которое было в поле его зрения с момента прибытия на станцию.

— А? — сказал он. От станции пешком было примерно минуты две.

Так как дороги были по-дурацки забиты, поездка на машине заняла бы больше времени. Они ехали уже три минуты, и только сейчас повернули в гараж.

— Сакута, надевай голову, — сказала Нодока. Она потянулась к нему, чтобы помочь.

Стало очень трудно видеть. У него был лишь узкий обзор через ноздри костюма. Машина подъехала к воротам и остановилась.

— Талант для съемок, — сказала Рёко, показывая пропуск у себя на шее.

— Хорошо. Всего доброго.

Рёко кивнула в ответ, и ворота открылись. Машина поехала, а Сакута кивнул головой охраннику. Автомобиль проехал на заднюю площадку.

— Здесь проще пронести вещи, чем через главный вход наверху, — объяснилась она, припарковавшись. Вот почему она взяла на себя обязанность провезти его.

Он последовал за выходящей из машины Нодокой. Было трудно двигаться с надетой головой. Так что он хотел было уже снять ее, но Рёко попрепятствовала этому.

— Оставь ее, — сказала она. — Я не хочу цирка в прессе из-за того, что на ТВ студии появился парень Май Сакурадзимы.

Она понизила голос, но выразила свою мысль четко и ясно.

Он кивнул, полностью согласившись. Должно быть, так задумывалось с самого начала. Это объясняло нахождение костюма оленя на третьем ряду сидений. Поэтому Нодока сказала, что костюм может помочь.

— Просто, идти трудно.

У него был обзор прямо перед собой. Он ничего не видел по сторонам, от этого был риск врезаться во что-то.

— Тогда, я провожу тебя, — сказала Нодока, обхватив его правую руку. — Пойдем.

Она начала тащить его за собой.

— Ты предупредила Май, что я приду?

Помня о предупреждении Рёко, он говорил тихо.

Он спрашивал Нодоку, но Рёко ответила, — Нет. Она снималась, когда мне позвонили. Май должна была освободиться и быть в зеленой комнате.

Должно быть, они вошли в лифт. Он не мог видеть, но почувствовал внезапный подъем.

Лифт сделал несколько остановок. Персонал входил и выходил. Он не увидел никого особо знаменитого.

К тому времени, когда раздался звонок на их этаже, в лифте осталось три человека.

— Сюда, — сказала Нодока. После открытия дверей, она его подтолкнула, и они вышли. Немного шаркая ногами, он оглянулся.

Длинный коридор тянулся по обе стороны. Одна за другой на одинаковом расстоянии, располагались двери с именами талантов на них.

В девяти метрах вниз по коридору он увидел «Май Сакурадзима».

— !..

Сакута напрягся.

Май была здесь.

Лишь дверь разделяла их.

Май. Живая.

Лишь эта мысль заставляла его трепетать.

— Сакута?

Нодока, должно быть, почувствовала его дрожь.

До того, как он успел ответить, Рёко постучала в дверь Май.

— Это Ханава. Можно войти?

— Да, конечно.

Через дверь он узнал голос Май.

Сакута узнал бы его где угодно.

Волны звука пробежались по нему. Он чувствовал ее присутствие.

Это была Май.

Она действительно была здесь.

— ...

Он хотел прошептать ее имя, но не смог.

Рёко открыла зеленую дверь комнаты.

— Хорошо сегодня поработала, — сказала она, переступая порог.

— Спасибо, Рёко. Ты тоже.

— Я привела к тебе компанию.

— Компанию?

Нодока потянула его за руку, и он зашел в комнату. Рёко быстро проскользнула за его спиной, а затем он услышал щелчок двери.

Он скорректировал угол обзора костюма, чтобы увидеть Май по другую сторону маленькой обзорной дырочки. Стоящую там и живую.

Май смотрела на него. В его сторону.

— ?..

Наполовину в замешательстве, наполовину в недоумении. Но не отводила взгляд. Ее взгляд замер на ничего не говорящем о себе костюме.

Ему хотелось закричать. Снять голову костюма, чтобы показать себя.

Но сейчас он ничего не мог сделать.

И только он знал почему.

Сакута даже не был уверен, когда упала первая слезинка. Дамбы были уже давно прорваны, и он никак не мог остановить поток слез.

— ...

Ему было, что сказать ей, но он даже не смог начать. Если он что-то скажет, то его голос захлебнется в слезах, и тогда она бы узнала, что он плачет.

Каждая клетка его тела дрожала от счастья лишь из-за одного факта — Май была жива. Рыдал от счастья. Он лишь мог кататься на порогах эмоций. Просто ждать, пока пройдет потоп.

— Спасибо, Нодока, — сказала Май, отвернувшись. — И тебе, Рёко, прости, что втянули тебя в это снова. Дальше я справлюсь сама. Можете оставить нас ненадолго?

Похоже, она о чем-то догадывалась, что было огромным облегчением.

Сакута не узнавал запаха в зеленой комнате. Здесь было большое зеркало с огромным количеством косметики перед ним. Костюмы для съемок висели на вешалке позади них. Все это в сочетании с духами взрослых давало такой запах.

Сама комната была довольно большой, примерно 16 квадратных метров. Половину площади занимал пол с татами.

Сакута сидел на его краю все еще в костюме кролика. Голова до сих пор была надета. Он просто ждал, пока прекратится дрожь.

Спустя минуту дверь открыли снаружи.

Май проводила Нодоку до лифта и вернулась к нему.

Она закрыла дверь за собой.

Ее взгляд устремился на него.

— Долго будешь тут сидеть? — спросила она.

Как ответ, он разок махнул головой. Он все еще не мог говорить, не раскрывая слез.

— Ты пришел сюда молча сидеть?

Она подошла ближе.

Он наклонил голову, и увидел ее ноги. Она остановилась прямо перед ним.

— Ты ведь не для этого вернулся из будущего?

— ?!

— Планируешь заставить меня сделать всю работу?

— Май...

Его голова поднялась вверх. И его узкий обзор заполнил свет. Май сняла голову его костюма.

Май была прямо перед ним.

Он четко ее видел.

Она улыбалась ему.

— Это и правда ты, — сказал он. Полилась еще одна волна слез. Наверное, от слез и пота его лицо превратилось в сплошное месиво.

— Май?..

— Вот и славно, — сказала она. Он не знал, что она имела в виду. — Значит, у меня получилось спасти тебя.

— ...

Ее слова попали в самую суть, от чего он совсем не удивился. Но он сразу понял, что она все знает.

— Вот и славно, — повторила она.

— ...В этом нет ничего славного, Май, — его голос был подавлен. А нос заложен. — Из-за моей ошибки ты...

— Наконец-то я смогла сделать что-то для тебя.

— !..

Он не мог выразить свои чувства словами, но ему хотелось опровергнуть это, поэтому он потряс головой, как ребенок закатывающий истерику.

— Никогда бы не подумал, что ты пойдешь на это, — он смог.

— Я говорила тебе. Я люблю тебя больше, чем тебе кажется.

Ее руки крепко обхватили его голову. В ее объятиях он отчетливо чувствовал ее сердцебиение. Доказательство того, что она жива. Пульс жизни.

Прямо здесь и прямо сейчас, Май уже все решила.

Он должен был знать это, но с ее теплом пришло осознание. Она спасет его любой ценой. Это было решение Май.

— Прости, Сакута.

Ее голос был мягок.

— Почему ты извиняешься?

— Я заставила тебя плакать.

— Я...

— Я бросила тебя одного.

— Я... Я лишь...

Он ничего не мог сказать, ничего не мог придумать. Его чувство нельзя было выразить словами, лишь слезами.

В объятиях он мог чувствовать ее каждой частичкой своего тела. Ее чувства достигли его до самого сердца.

Больше он не сдерживал слез. Май их источник. Поэтому он прижался к ней, выпуская их наружу, словно возвращая к себе чувства.

Но они не могли остаться так навсегда.

Сакута должен был кое-что сделать.

Как и Май.

— Сакута, — произнесла Май, отодвинувшись. — Позволь мне увидеть твое лицо.

Она обхватила руками его лицо. Он поднял взгляд на нее.

— А ты не сильно вырос, — сказала она, немного задыхаясь.

— Я из будущего всего лишь на четыре дня вперед.

— Оу. Я получила голосовое сообщение от Сакуты, где он говорил, что в округе появился будущий ты, от чего я обрадовалась.

— Со временем я подрасту, но для этого тебе надо будет подождать.

Улыбка Май казалась слегка противоречивой.

— Мне надо идти.

— Идти?..

— У нас сегодня свидание, помнишь?

Взяв пальто с вешалки, она сразу же направилась к двери.

— Май, подожди.

Он встал и схватил ее за руку.

— Пусти.

Она говорила тихо, но твердо.

— Все будет хорошо, — сказал он.

— Черта с два! — прокричала Май. Она обернулась к нему, ее глаза были полны слез. — Если Сакута знает о моей смерти в аварии, значит, ему захотелось похоронить себя еще больше! Для него это лишь очередное доказательство, что умереть должен лишь он!

— ...

— Он никогда не согласится жить ценою жизнью двух Сёко.

Он знал, что сейчас Май полностью права. Май понимала его полностью.

— Если я сейчас не уйду, Сакута умрет!

Но она понимала другую версию его. Она не знает будущего Сакуты. Май не знала, что ее смерть сделала с ним.

— Пусти!

Она попыталась вырваться, но он схватил ее, обхватывая руками со спины.

— Пожалуйста, Май. Остайся здесь.

Он крепко сжал ее, не позволяя ей освободиться.

— Пожалуйста...

Но его голос был едва слышным шепотом.

Понимал, что он дрожит как лист.

Дрожит. В полном смятении.

Он пытался обнять ее крепко, но сил не хватало. И от этого Май перестала сопротивляться.

— Я не могу... Не могу потерять тебя снова.

Дрожь не унималась. От этой дрожи его пятки отрывались от пола.

— Оставайся здесь до шести.

— Но...

— Все будет хорошо.

— ...

— Я как-нибудь позабочусь о себе.

Сакута знал, что его слова звучат не убедительно.

Он все еще дрожал.

Страх был невероятен.

Он боялся потерять Май.

Боялся до самых костей.

Боялся того, что он хотел сделать.

Ведь он собирался украсть будущее у Сёко.

— И ты готов с этим смириться? — спросила Май, сжимая свои эмоции.

Он безмолвно кивнул. — Я принял решение.

Его голос был похож на крик. Он еле сдерживал эмоции.

— Тебе нужно подождать здесь.

— ...

Май все еще колебалась. Он слышал это по ее дыханию.

— Ведь речь идет обо мне, я уверен, что вернусь к тебе весь в слезах.

— ...Сакута.

— Мне нужны будут лишь твои объятия.

— Ты уверен?

— Ты сможешь мне пройти через это.

— Сакута...

— И тогда... Я сделаю тебя счастливой.

— ...

Сакута слышал ее дыхание. Он всунул ей в руки ключ. Ключ от его квартиры. Тот, что он взял из почтового ящика.

— Возьми его, пожалуйста.

— ...Хорошо, — прошептала она, крепко сжимая ключ.

— Спасибо, Май.

— Но кое-где ты ошибся, Сакута.

В его объятиях она повернулась к нему лицом. Ее лоб прикоснулся к его лбу.

— Но тебе не надо делать меня счастливой.

— ...А?

— Мы будем счастливы вместе. Ты и я.

Слова Май поразили его в самое сердце. Затем он почувствовал ее присутствие внутри себя, распространяющееся через каждую частичку его тела. Тепло, словно от весеннего солнца. Он был уверен, что такие моменты — есть счастье.

— Я знал это, — сказал он. Его губы улыбнулись.

— Знал что? — она хмуро взглянула на него.

— Мне никогда с тобой не сравниться, Май.

Лишь одной фразой она уняла его дрожь.

Они будут счастливы вместе.

Вооруженный этими словами, он все еще мог сомневаться и переживать, но Сакута знал, что в итоге он найдет свой путь. Если их мысли совпадут, то все получится.

С некой неохотой Сакута отпустил Май. Он чувствовал, если продолжит обнимать ее, то никогда не уйдет. Он хотел чувствовать ее присутствие всегда.

Но Сакута должен идти.

Обратно под валящий снег.

— Я буду ждать тебя, Сакута.

— Я знаю.

Май доверилась ему, так что он должен был сдержать свое обещание.

— Я буду ждать тебя, поэтому убедись, что ты вернешься домой, ко мне.

— Обязательно.

И чтобы сдержать это обещание, ему надо было покинуть ее.

— Иди, Сакута.

— До скорой встречи, Май.

Часть 5

Когда Сакута покинул зеленую комнату Май, он нашел ее менеджера, дежурившую в коридоре, и попросил ее подвезти его до станции Симбаши. Конечно же, он ехал в костюме кролика, чтобы избежать внезапного внимания прессы.

На станции он сел на поезд, идущий в обратном направлении. Поезд направлялся до Атами по линии Токайдо.

Он сорок пять минут раскачивался в костюме зайчика. Он зашел на своей родной станции Фудзисава и пересел на линию Одакю-Эносима.

Поезд тронулся с конечной, за окнами проносился торговый квартал. Вскоре вид сменил тихий жилой район. Все дома были покрыты тонкой снежной пеленой. Сакута смотрел на проплывающие мимо дома, пока поезд останавливался на станциях Хон-Кугэнума и Кугэнума-Кайган. Затем он добрался до конечной станции – Катасэ-Эносима.

Часть платформы не была закрыта крышей, так что там скопился дюймовый слой снега. Маленький мальчик радостно топал по чистому снегу, оставляя за собой следы.

Он посмотрел на часы на станции. Было почти 17:30.

Тридцать минут до аварии.

Сакута просканировал свой билет, проходя через турникеты, и покинул станцию.

Снаружи поток толпы, выходящей наружу, разделялся. Один поток направлялся направо, к океанариуму, а другой – прямо, по направлению к мосту Бэнтэн и Эносимы.

В отличие от первого 24 декабря, Сакута не повернул к океанариуму. Он направился вниз по дороге к мосту Бэнтэн.

Несмотря на падающий снег, дорога была полностью забита. Студенческие парочки, идущие под одним зонтиком, и семьи с детьми, радующиеся снегу, заполнили улицы.

Фудзисава – прибрежный городок, где снег почти что никогда не задерживался. И прошло много лет с последнего раза, когда в канун Рождества выпадало столько снега. Все были в восторге.

Сакута прорывался через толпу без зонтика.

По мере приближения к месту аварии, Сакута чувствовал, как его сердце бешено колотится. Чувствовал нарастающее напряжение. Его ноги тряслись.

Он не возвращался сюда с того инцидента.

Все это напоминало ему Май, лежащую здесь под светом уличных фонарей.

Инстинкты кричали ему не идти.

Но он был здесь.

Он мог сделать здесь лишь одно. То, что он должен был сделать.

Но все еще было немного рано для этого.

— ...

Честно, Сакута не был уверен, что ему следует делать это. Поскольку он не был уверен, он отошел от места аварии и направился к подземному переходу, который вел на другую сторону шоссе 134. Этот переход был спроектирован, чтобы по нему проходил постоянный поток пешеходов. Под главной магистралью проводили туристов на мост Бэнтэн и Эносиму за ним.

Сакута вышел на другой стороне, оказавшись прямо перед мостом.

Большинство людей направлялись прямо на остров. Лишь Сакута отделился от толпы.

Он остановился около двух драконьих светильников.

Четыре дня назад здесь он договорился встретиться со старшей Сёко, по времени будущего Сакуты - первого 24 декабря.

Она еще не пришла. Это было неким облегчением. Несмотря на холод, он мог сказать, что его лоб был влажным от пота.

Хожение в этом костюме изматывало его.

Чтобы передохнуть, он расстегнул молнию и освободил руки и верхнюю часть тела. Под костюмом, на нем был школьный спортивный костюм. Он сел на бордюр, положил голову на колени, прижав ее к груди.

Мимо него прошло несколько парочек. Все здесь шли посмотреть на иллюминацию на Морской свече - маяк на вершине Эносимы. Отсюда вы бы могли четко видеть его свечение. На вершине у ваших ног был словно сад огней.

Каждый смотрел на мальчика в костюме кролика веселым взглядом, но гирлянды быстро отвлекали их внимание.

И лишь один человек остановился.

Она была удивлена, увидев Сакуту здесь, и ее мысли явно метались из стороны в сторону. Но подойдя к нему, она вновь улыбнулась своей обычной спокойной улыбкой.

— Я заставила тебя ждать?

— Ни капельки. Даже время не подошло.

— Ты был в предвкушении, дожидаясь свидания со мной, что пришел пораньше!

— Именно.

Он лишь признал это. Он был здесь не для того чтобы играть словами.

— Ты выбрал необычный наряд для важного свидания, — сказала она с усмешкой, осматривая его костюм.

— Я его ношу весь день. Он стал частью меня.

На Сёко была довольно обычная для нее одежда. Просторный свитер и длинная юбка. На плечи была накинута шаль, но, как и Сакута, она была без зонтика.

Она потянулась и потрогала его голову.

— На тебе снег, — сказала она, стряхивая его. — Прости.

Он взглянул вверх, спросить причину извинения, но увидел грусть в ее глазах, поэтому не стал спрашивать.

— Я все испортила? — спросила она.

Ей не нужно было объяснять ему, что она имела в виду.

— Я бы так не сказал.

— Но ты здесь. Из будущего.

Сёко сразу перешла к делу. Это все объясняло. Она уже знала. Может она не знает будущее, которое он видел, но она понимала, что оно достаточно плохое, чтобы из него вернуться. Прямо, как у нее.

— ...

Он лишь потряс головой.

Она ничего не испортила.

— Я здесь из-за тебя.

Это была правда.

Чувства, стоящие за ней, тоже.

Потому что она рассказала, что его ждет впереди.

Потому что она попыталась спасти его.

Потому что она дала ему шанс сделать выбор.

Вот что привело к этому.

Именно это привело Сакуту сюда.

Его выбор был сделан.

Она сделала тоже самое два года назад.

Сёко не изменилась с момента их первой встречи на пляже Шичиригахама.

Она была источником поддержки и объектом его стремлений.

Сакута хотел помогать остальным так же, как она помогла ему. С тех пор это была цель его жизни. Он хотел быть таким для кого-то. Быть таким хотя бы для одного человека – достаточно.

Он все еще не был способен на это, но он нашел человека. Человека, которого он должен защищать любой ценой. Человека, которого он хотел сделать счастливым. Человек, с которым он хотел бы разделить свою жизнь.

Если бы он не встретил Сёко, то вряд ли догадался бы до этого.

Сёко научила его всему, что важно.

Слова «Спасибо» было недостаточно, чтобы выразить его благодарность.

Слова «Прости» было недостаточно, чтобы передать боль, которую он чувствовал.

Что ему следует сказать в такой момент?

Сакута все еще не был уверен. Сёко еще не научила его этому.

Но, конечно, он не знал. Сёко не научила его. Вы могли бы обыскать весь мир и никогда бы не нашли слово, которое говорило бы так много.

И все же он открыл рот, чтобы попытаться сказать ей что-то.

— Сёко, я...

Но дальше ничего не вышло. Он не смог подобрать слов.

Он не знал, что сказать. Мысли клубились прямо в нем. Его переполняли эмоции, но не было способа выразить их.

Сёко взглянула на него, улыбнулась и сказала, — Сакута, возьми меня за руку.

Сакута не ожидал этого.

Она вытянула одну руку, и он взял ее.

Своей ладонью он чувствовал ее присутствие. Каждый палец подтверждал ее реальность.

— Это довольно неловко, — сказала она, ее улыбка стала хитрой. Она тихо взглянула на него, а затем на Эносиму.

Морская свеча освещала снег, падающий с ночного неба.

Сакута тоже перевел взгляд на огни.

Зимний морской бриз был прохладным.

Его тело начало неметь. Лишь тепло ее ладони напоминало ему, что он действительно здесь.

Она слегка сжала его руку.

— ...

Он мог сказать, что она волновалась.

Поэтому он сжал ее в ответ. От этого она сжала его сильнее. Но в ее хватке больше не чувствовалось беспокойство.

В этом была какая-то сила, словно она подбадривала его. Она крепко держалась за него, будто болея за него и за будущее, которое он пытался построить.

Спустя минуту она ослабила хватку. Она нежно покачивала их сцепленные руки вперед и назад. Наверное, они выглядели как дурачащаяся парочка. Ни тревоги, ни вдохновения. Это было обычное поддразнивание Сёко.

Держась за руки, он передал больше эмоций, чем смог бы передать словами.

Он был точно уверен, что она тоже понимала его чувства.

Так что он заговорил с ней еще раз.

— Сёко.

Он должен выразить все словами, которые он мог бы подобрать сейчас. И как бы неуклюже это не звучало, он чувствовал, что этого будет достаточно.

— ...

Сёко молчала. Но он знал, что она слушает.

— Все это, я заберу с собой.

— ...

— Я заберу это в будущее.

— ...

— Мое время, проведенное с тобой. Все, что ты дала мне... Все, за что боролась Макинохара, и мои воспоминания об этом. Я ничего не хочу забывать. Все это останется со мной в будущем.

— ...

Сёко мягко помотала головой.

— Сакута, знаешь, почему люди забывают вещи?

— Я не забуду.

— Я знаю почему. Это потому что они хотят забыть их.

— ...

— Нет ничего хуже болезненных воспоминаний, которые останутся навсегда.

— Тем более я не забуду тебя.

— ...Как это?

— Мои воспоминания о тебе - это воспоминания о немного сладкой первой любви. Почему я должен забыть это?

— Серьезно.

Ее тон был напряженным, но она замолчала.

Сакута с любопытством повернулся к ней.

— Какой же ты дурак, — сказала она с улыбкой.

Сакута ничего не ответил. Он знал, что она не хотела слышать ответа.

Они оба смотрели прямо вперед.

Через длинный мост на Эносиму.

Узенький остров, плывущий по океану.

А на вершине - мир в кристалле из снега.

Сейчас он лишь хотел запомнить этот вид с Сёко. Запомнить ощущение ее руки в своей.

Они не могли оставаться так долго.

Сакута все еще должен кое-что сделать.

И их тихое время вскоре подойдет к концу.

— Я должен идти, — сказал он.

Признаться, уходить было немного неохотно. Но колебаний не было.

— Хорошо, — сказала Сёко, отпустив его руку.

Сакута обратно надел свой костюм, а Сёко помогла застегнуть молнию на спине.

Держа голову, он повернулся к ней еще раз.

Он пришел сюда, чтобы сказать ей кое-что, но оказался в затруднении.

Так что он посмотрел ей в глаза и сказал, — Прощай, Сёко.

На мгновение ее взгляд затуманился. Но она продолжала улыбаться.

— Прощай, Сакута.

Она слегка помахала ему.

Сакута повернулся и зашагал прочь. Он знал, что Сёко все еще машет. Он был точно уверен в этом, но не обернулся.

Каждый шаг, он словно отрывал ногу от земли. Он направился через туннель под шоссе 134 на другую сторону.

Было почти шесть.

Когда он оказался около места аварии, он надел голову костюма

Сакута из будущего никогда не мог встретить настоящего Сакуту. Для обоих было

невозможным одновременно существовать в одном пространстве.

Но, если перефразировать эту идею, они оба могут существовать, пока за ними никто не наблюдает. Этот принцип позволил ему поговорить с настоящим Сакутой по телефону.

Так что он должен был создать ситуацию, в которой люди не могли бы опознать его.

Как кот в коробке, застрявший между жизнью и смертью. В этом костюме может быть Сакута, а может и не быть.

Когда Сакута затаил дыхание внутри костюма, он услышал чье-то пыхтение. Приближающееся неровное дыхание. Это доказывало, что его план работает.

Сейчас Сакута бежал по тонкому снегу, борясь со временем. Сакута мог отчетливо видеть настоящего Сакуту через ноздри костюма. Самого себя в школьной форме.

Стараясь держаться подальше от места аварии, он намеренно повел настоящего Сакуту к океанариуму. Но эта уловка долго не проработала.

Настоящий Сакута смотрел через мост на фонари с драконами. Его голова поднялась. Должно быть, он нашел Сёко.

В то же время раздался автомобильный гудок. Сакута в костюме уже был в пути.

Черный мини-фургон резко затормозил, а шины скользили. Машина перед ним резко затормозила, и мини-фургон чуть не врезался в нее.

Но шины потеряли сцепление, и водитель не смог справиться с управлением.

— Сакута! — закричала Сёко.

Настоящий Сакута увидел машину и застыл. Но на его лице было видно умиротворение.

Он был уверен, что убить себя - лучший выбор.

Сакута знал это, потому что раньше думал так же.

Если он мог гарантировать Сёко будущее, то готов был пожертвовать собой. Этот несчастный случай должен был произойти, пока Май не займет его место.

Но потеряв Май... Горькие воспоминания заставили его сделать другой выбор.

Он должен выжить и сделать Май счастливой. Для него не было ничего важнее, чем быть счастливым вместе с Май.

Люди видели, как мини-фургон скользит к ним, и кричали. Все это казалось ему таким далеким. Но его тело продолжало двигаться с определенной целью. Его цель была проста.

Настоящий Сакута стоял неподвижно на пути машины, пока будущий Сакута в костюме кролика не столкнул его с дороги.

Часть 6

Он почувствовал, как кто-то оттолкнул его в сторону.

И почувствовал, как толкает кого-то.

Затем он ощутил холод на ладонях. На левой и на правой.

Сакута открыл глаза и увидел свои руки на заснеженном асфальте, онемевшие от холода.

— Я?..

Неуверенный в происходящем, он медленно поднялся с земли. Все ощущалось иначе. Напряжение в воздухе было осязаемым.

Звук автомобильного гудка наполнил воздух.

Он повернулся на звук и увидел черный мини-фургон, стоящий у поваленного дорожного знака. Передняя часть вмялась от удара о знак.

Толпа казалась ошеломленной. Она увеличивалась по мере того, как люди останавливались посмотреть на произошедшее. Все смотрели на машину и перешептывались друг с другом.

— Ты ранен? Где-нибудь болит?

Ошеломленный Сакута обернулся и увидел полицейского. Неподалеку стояла полицейская будка, и он, должно быть, прибежал оттуда. Офицер постарше говорил по рации, сообщая об инциденте.

— Это ваше? — спросил офицер, держа в руках голову костюма. Остальная часть лежала у его ног.

Обе его части были пусты. В них ничего не было.

Несколько мгновений назад Сакута носил этот костюм. Эти воспоминания остались внутри него. Но в то же время у него был другой набор воспоминаний и ощущений – и этот набор был весьма странным.

— Ох... так... — пробормотал он.

С самого начала у будущего Сакуты был подростковый синдром настоящего Сакуты. Не способный выбрать между будущим Сёко и будущим вместе с Май, его разум поддавался давлению, и он отверг само будущее, надеясь, что момент аварии никогда не наступит. И это желание замедлило воспринимаемый им мир. Если верить словам Рио, то чем быстрее двигались вещи, тем медленнее для них шло время. В результате Сакута, отвергший будущее, узнал его первым.

Теперь причина подросткового синдрома устранена, раскол в сознании Сакуты исчез. После шести вечера 24 декабря больше не надо было выбирать между будущим Сёко и будущим с Май.

Пустой костюм говорил ему об этом, и его воспоминания и ощущения растаяли вместе. Они оба – Сакута. Не было ни настоящего, ни фальшивого. Он вновь был просто самим собой.

— Скорая помощь уже в пути. Тебе следует пройти обследование, — сказал офицер, выглядя спокойным.

— Я в порядке, — сказал Сакута, развернувшись чтобы зашагать прочь.

Офицер обеспокоенно звал его, но Сакута не отвечал

Он вновь прошел по туннелю и остановился около фонарей с драконами. Его взгляд блуждал от одного фонаря к другому.

— ...

От этого Сёко не появится.

Старшей Сёко больше нет рядом.

Сакута украл ее будущее.

И он сделал это по своей воле.

Он весь день бегал туда-сюда ради этого момента.

И получил желаемый результат, он не чувствовал ни триумфа, ни восторга. Была лишь боль в груди.

От настолько сильной боли он не мог остановиться. Как будто пытаюсь убежать от нее, он заковылял в сторону Эносимы.

Мост Бэнтэн был протянут над океаном. В длину он был более трехсот тридцати метров, прямой и ровный. Сакута в одиночестве пересек его.

Внизу раздавался стон ночных волн. Звук словно кто-то скорбит.

Внутри него поднимался жар. Слизистая носа болела. Он отчаянно сдерживал слезы, двигаясь, шаг за шагом, полностью не понимая своего направления.

Чувствовал, что, в конце концов, куда-нибудь придет.

Он пересек весь мост.

И соответственно пришел к Эносиме.

Сакута не остановился на этом. Он просто продолжал идти вперед. Прямо вверх по холму, мимо ряда магазинов, через храм Эносима, вверх по длинной лестнице. Одна ступенька за другой.

Его дыхание сбивалось.

Его ноги кричали.

Он не останавливался отдохнуть. Он должен был быть где-то не здесь.

С каждым шагом спрашивал себя...

Все ли в порядке?

Правильно ли это?

Неужели не было другого выхода?

Один недоуменный вопрос за другим.

И на каждый он отвечал.

— Нет. Другого пути не было.

Он стиснул зубы и поставил ногу на следующую ступеньку.

— Конечно же, это неправильно. Посмотрите, что я сделал.

Следующая ступенька.

— Это все неправильно.

Слезы, которые он удерживал, падали ему на колени.

— Все это совсем ненормально... Все это ненормально.

Он шмыгнул, вытер глаза, и сделал еще шаг.

В этом не было ничего хорошего.

Хороший исход событий - у Сёко было бы будущее, Сакута и Май бы выжили. Будущее, в котором они смогут улыбаться вместе. Этого он хотел.

Но он не мог хотеть этого.

Это был его единственный выход. Не было исхода событий, при котором все были бы счастливы. Ни один магический фокус не мог сделать так.

Единственное, что мог сделать Сакута, — это выбрать Май вместо Сёко.

— Но от этого... это не есть нормально. Так что, черт подери, даже не спрашивайте...

Скрипнув зубами, он заставил себя сделать последний шаг.

Он зашатался и запыхался, достигнув основания Морской свечи.

Это был туннель из гирлянд, похожий на сад глициний. За ним была клумба цветов, сделанных из огоньков. А сегодня к этому прибавился снег. Иллюминация освещала снежинки, придавая всему саду внеземное великолепие.

Будто сон стал явью.

Вокруг были парочки, группы студентов, несколько семей, и лишь Сакута был один.

Куда не посмотри, он видел лишь ночное небо, снег и огни. Ни единого признака Сёко. До него медленно доходило осознание, что он проделал весь этот путь, чтобы подтвердить эту очевидную истину своими глазами.

Старшей Сёко больше не существовало.

Ее будущее никогда не наступит.

Оно было утеряно навсегда.

Отнято... руками Сакуты.

— ...

Он уже ничего не чувствовал.

Ему не было холодно. Ему не было грустно.

Сакута понимал, что зрелище вокруг потрясающее, но оно ничуть не тронуло его.

Никому конкретному, он прошептал, — Мне пора домой, — будто вспомнив что-то важное.

Он вообще не помнил, как он добрался до дома.

Прошел ли он весь этот путь пешком? Сел на поезд? Может быть на автобус? Воспоминания были смутными. Как только Сакута увидел свой дом в поле зрения, он заметил кое-кого стоящего на краю дороги.

Высокую девушку с зонтиком. Она выглядела замерзшей и потирала руки вокруг ручки зонтика. Наверное, она стоит тут длительное время. На ее огромном зонту скопилась куча снега.

— ...Май, — сказал Сакута, остановившись на месте.

Май увидела его тоже. Их глаза встретились. Ее глаза блестели от облегчения. Затем она прикусила губу, пытаясь остановить себя, пока не начала плакать.

Это все что она могла сделать.

Она не позвала его по имени и не побежала к нему.

Май лишь смотрела на него и ждала пока он подойдет.

— ...Ох. Вот почему.

Каждый из них дал обещание. Он вернется домой, а она будет ждать его около дома. Май держала свое обещание и терпеливо ждала, когда он выполнит свое.

— !..

Его слезные железы совсем истощились к этому моменту, и даже после того, как он так много плакал, теплые слезы все равно начали литься рекой по его щекам.

Он не пытался их вытереть. Посыпаемый снегом, Сакута шаг за шагом возвращался к Май. Каждый шаг приближал его к дому.

Вспоминая все что, привело его сюда...

Размышляя о значении каждого шага...

Оставшуюся часть пути Сакута прошел пешком.

Затем он оказался под зонтиком Май. Единственное место, которое не засыпало снегом.

— ...

Май молчала. Она безмолвно вручила ему зонтик.

— ...

По ее глазам было видно ожидание.

Он знал, чего она ждет. Каждый ребенок знал. То, что говорит каждый после возвращения.

— Я дома, Май, — сказал он.

Она медленно улыбнулась.

— С возвращением, Сакута.

Ее голос бы теплым и приветливым.

<http://tl.rulate.ru/book/20190/1998659>